

Г.Г. Гиздатов , Б.А. Сопиева 

Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: gizdat@mai.ru; bayan.sopieva@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАЗАХСТАНСКОГО МЕДИАДИСКУРСА: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ

В статье дан анализ концептуального пространства казахстанского медиадискурса. Когнитивные, дискурсивно-аналитические, социологические, исторические и политические научные теории в данном лингвистическом исследовании дополняют друг друга, обладают экспланаторной силой. Концепты власти, идеологии и истории определены в рамках теории критического дискурс-анализа как базовые концепты казахстанского дискурса. Исследовательская парадигма анализа проблем соотношения концептуального пространства, дискурса и идентичности представлена в работе в рамках семиотической теории: от процессов коммуникации в сферу порождения текстов. В данной работе психолингвистическими методами выявлено содержательное наполнение концептуального пространства в ассоциативно-вербальной сети носителей языка. Выявленная в исследовании архаизация сознания носит характер не столько возвращения к старому, сколько восстановления старого на основе тех знаний и представлений о прошлом, которые пользуются популярностью. Выявляемо это при обращении к образцам массового сознания, отраженным в ассоциативных полях к одним и тем же словам-стимулам русского и казахского языков. Новизна работы определена материалом и методикой анализа, в которой постулаты когнитивных теорий подкрепляются наработками критического дискурс-анализа. Основными результатами работы являются обозначенные когнитивные стратегии медиального пространства. В работе доказано, что советскость выступает на данный момент как системообразующий компонент казахскоязычного и русскоязычного дискурса страны. Три выделяемых проекта: евразийский, пантюркский и либеральный – являются тем самым интертекстом, который определяет политические, социальные и культурные границы и пристрастия всего казахстанского общества, как следствие и дискурсивную практику. Проекты имеют свое историческое прошлое, определяют реальную политику и находят свое медиальное отражение

Ключевые слова: ассоциативное поле, медиадискурс, идентичность, концептуальное пространство, когнитивная стратегия.

G.G. Gizdatov, B.A. Sopieva

Ablai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: gizdat@mai.ru, bayan.sopieva@mail.ru

Conceptual Space of Kazakhstani Media Discourse: Psycholinguistic Aspects of Approach

The article provides an analysis of the conceptual space of the Kazakhstan media discourse. Cognitive, discursive-analytical, sociological, historical and political scientific theories in this linguistic study complement each other, have an explanative power. The concepts of power, ideology and history are defined in the framework of the theory of critical discourse analysis as the basic concepts of Kazakhstan discourse. The research paradigm of analyzing the problems of the correlation of conceptual space, discourse and identity is presented in the work within the framework of the semiotic theory: from communication processes to the sphere of generation of texts. In this work, psycholinguistic methods have revealed the meaningful filling of the conceptual space in the associative-verbal network of native speakers. The archaization of consciousness revealed in the study is not so much a return to the old as a restoration of the old based on the knowledge and ideas about the past that are popular. This is revealed when referring to samples of mass consciousness reflected in associative fields to the same stimulus words of the Russian and Kazakh languages. The novelty of the work is determined by the material and methodology of analysis, in which the postulates of cognitive theories are supported by the achievements of critical discourse analysis. The main results of the work are designated cognitive strategies of the medial space. It is proved in the work that Sovietism is currently acting as a system-forming component of the

Kazakh-speaking and Russian-speaking discourse of the country. Three distinguished projects: Eurasian, Pan-Turkic and liberal – are the same intertext that defines the political, social and cultural boundaries and preferences of the whole Kazakhstani society, as a result and discursive practice. Projects have their own historical past, determine real politics and find their medial reflection.

Key words: associative field, media discourse, identity, conceptual space, cognitive strategy.

Г.Г. Гиздатов, Б.А. Сопиева

Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: gizdat@mai.ru, bayan.sopieva@mail.ru

Қазақстандық медиа дискурстың тұжырымдамалық кеңістігі: қарастырудың психолингвистикалық аспектілері

Мақалада қазақстандық медиа-дискурстың тұжырымдамалық кеңістігіне талдау берілген. Осы лингвистикалық зерттеуде танымдық, дискурсивті-аналитикалық, әлеуметтік, тарихи және саяси ғылыми теориялар бір-бірін толықтырады, түсіндіруші күшке ие. Билік, идеология және тарих ұғымдары дискурстық сыни талдау теориясы аясында Қазақстан дискурсының негізгі тұжырымдамалары ретінде анықталған. Концептуалды кеңістіктің, дискурстың және сәйкестіліктің арақатынасы мәселелерін зерттеудің зерттеу парадигмасы семиотикалық теория шеңберіндегі жұмыста ұсынылған: коммуникациялық процестерден мәтіндер ұрпағы. Бұл жұмыста психолингвистикалық әдістер ана тілдерінің ассоциативті-вербальды желісіндегі тұжырымдамалық кеңістікті мазмұнды толтыруды ашты. Зерттеуде анықталған сананың архаизациясы – бұл танымал болған өткен туралы білім мен идеяларға сүйене отырып, ескіні қалпына келтіру ретінде ескіге қайта оралу емес. Бұл ассоциативті өрістерде көрсетілген бұқаралық сананың үлгілерін орыс және қазақ тілдеріндегі бірдей ынталандырушы сөздерге сілтеме жасау кезінде анықталады. Жұмыстың жаңалығы, танымдық теориялардың постулаттары сыни дискурстық талдаудың жетістіктерімен расталатын талдаудың материалдық және әдіснамалық әдісімен анықталады. Жұмыстың негізгі нәтижелері – медиалық кеңістіктің когнитивті стратегиялары. Шығармада кеңестік кезеңдегі қазіргі кездегі қазақ тілді және орыс тілді дискурсының жүйелік құраушы бөлігі ретінде әрекет етіп келе жатқаны дәлелденді. Үш ерекше жоба: еуразиялық, түркітілді және либералды – бұл бүкіл Қазақстан қоғамының саяси, әлеуметтік және мәдени шекаралары мен артықшылықтарын айқындайтын, нәтижесінде және дискурстық практика. Жобалардың өзіндік тарихи өткені бар, нақты саясатты анықтайды және олардың медиалық көрінісін табады.

Түйін сөздер: ассоциативті өріс, медиа-дискурс, тұлға, тұжырымдамалық кеңістік, когнитивтік стратегия.

Введение

Как язык существует в современном казахстанском медиальном пространстве? Как он отражает и сам влияет на национально-культурную идентичность? Ответы на эти вопросы невозможны вне общего контекста и конкретных постулатов когнитивных, дискурсивно-аналитических, социологических, исторических и политических научных теорий (Fauconnier, 2001; Langacker, 1972; Бахман-Медик, 2017). Данные подходы уже в лингвистических исследованиях дополняют друг друга, в ряде случаев обладают экспланаторной силой. Собственно, сама методология анализа в рамках когнитивной лингвистики была обозначена в свое время Е.С. Кубряковой (Кубрякова, 2012:49). Этому подходу соответствует современная установка, согласно которой код культуры – это та самая «матрица», посредством которой человек членит, категоризует, оценивает окружающий его мир, в том числе

и самого себя (Красных, 2016: 379). Исследовательская парадигма анализа проблем соотношения концептуального пространства, дискурса и идентичности может быть представлена в такой последовательности в рамках семиотической теории: «Сфера интересов семиотики культуры должна быть перенесена из области собственно процессов коммуникации в сферу анализа человеческого сознания – когниции как творческого процесса не только означивания, семантизации, но и порождения текстов» (Фадеева, 2008: 214). При такой иерархии анализа исследования, выполненные в рамках когнитивной лингвистики и теории критического дискурса-анализа, оказывают сопоставимыми и взаимодополняемыми.

Именно в этом случае необходимо обозначить ту тенденцию, которая сформировалась последовательно в российской, а затем аналогично и в казахстанской лингвистике: «Именно по такому пути, думается, идут сегодня многочисленные концептологические исследования, которые

занимаются «выискиванием» концепта, стоящего за теми или иными языковыми формами. Более того, даже («замыкая круг») ими ставится цель найти языковые средства вербализации этого же концепта (большей частью, надо понимать, те же самые языковые формы, на основе которых он и был выделен)» (Болдырев, 2014: 28). Об этом же в несколько ином ракурсе, обращая внимание на практическую результативность подобных работ, высказался И.Г. Милославский: «Сделанные в рамках этого направления наблюдения и обобщения относительно ментальности, которую якобы предопределяет «русскоязычность», вызвали немалый интерес не только в профессиональном сообществе. Однако фундированность этих исследований, а также возможность какого-либо деятельного использования их результатов пока остается под вопросом. Совершенно очевидна разнообразная неоднородность русскоговорящего общества, а, следовательно, любая извлеченная «из языка» характеристика не может быть приложима к любому русскоговорящему, а если характеризует какую-то часть русскоговорящих, то следует уяснить, какую же именно количественно и качественно» (Милославский, 2017: 15).

На наш взгляд, в казахстанском сегменте лингвистических работ мы также имеем дело с завуалированным и деологизированным сосуществованием лингвистических выкладок с политическими декларациями. В целом ряде созвучных лингвокультурологических и психолингвистических работах на материале казахского языка и литературы составляются всевозможные списки слов, в которых, по мнению их авторов-составителей и толкователей, зафиксированы значимые для казахской культуры концепты: человек, женщина, мужчина, слово, язык и прочее. Неизбежные замечания о том, что подобного рода концепты универсальны для большинства культур, остаются явно без внимания. Но при этом в самом научном исследовании происходит алогичная подмена: самое типичное для современной казахской культуры определяется исключительно из фольклорных материалов, классических литературных произведений, крылатых выражений, и прочее. Собственно говоря, избираются только те в значительной мере архаичные источники, которые являются самопрезентационными, в них действительно отражено то, как народ хотел бы себя видеть, а не то конкретно-реальное, что в нем есть. А порой и то, каким бы хотели видеть свой народ правители, государства или как они хотели бы «констру-

ировать» его в нужном ключе. Противостоят подобным идеологическим сползаниям в националистическую идеологию, по ключевому замечанию Н.А. Автономовой, можно посредством дискурсного анализа, выявляющего смены словоупотреблений, сдвиги значений, способы заимствований и передачи чужой речи, а через все это определить «...некоторые важные и на первый взгляд не заметные способы отношения к себе, к своему прошлому и настоящему» (Автономова, 2017: 544).

Эксперимент

Актуальные социолингвистические и психолингвистические данные – объективный эмпирический материал для любого лингвистического и культурологического исследования. Срезы общественного и массового сознания традиционно фиксировали социологи, культурологи и психолингвисты в полученных экспериментальным путем (свободные и направленные ассоциативные эксперименты, результаты и описание разного рода опросных анкет, фокус-исследований и так далее). В свою очередь выдвигаемый нами тезис об архаизации (советизации) и одновременно упрощении казахстанской языковой культуры требует предварительной оговорки: архаизация сознания носит характер не возвращения к старому, а восстановление старого на основе тех знаний и представлений о прошлом, которые пользуются популярностью. Выявляемо это при обращении к образцам массового сознания, отраженным в ассоциативных полях к одним и тем же словам-стимулам русского и казахского языков. Выбор слов-стимулов определен их вхождением в базовые концепты политического и медийного дискурса. В значительной мере концепция и конкретная методика анализа Рут Водак повлияла на выбор нашего исходного материала: «Полностью «критический» отчет о дискурсе требует построения теоретической модели и описания как социальных процессов и структур и процессов, внутри которых индивидуумы или группы как социально-исторические субъекты создают значения во взаимодействии с текстами. Следовательно, в любом критическом анализе дискурса неизбежно фигурируют три концепта: концепты власти, истории и идеологии» (Водак, 2011: 287).

Ниже приводятся высокочастотные реакции (до 5 одинаковых реакций) к словам-стимулам: власть – билік, личность – қоғам, общество – жеке тұлға, традиция – салт-дәстүр, религия –

дін, культура – мәдениет. Пилотный психолингвистический эксперимент проводился нами в 2017-2018 гг. по хорошо описанной методике свободного ассоциативного эксперимента, информантами выступили соответственно русскоязычные (русские, татары, украинцы, уйгуры и казахи, не владеющие казахским языком, указавшие русский язык как базовый язык, на котором они получили школьное и вузовское образование, на котором они общаются в профессиональной и личной среде) и казахоязычные (казахи) жители Казахстана (Алматы, Астана, Тараз, Кокшетау и другие города) с высшим образованием, гендерное соотношение – 58% женщины, 42 % мужчины (в среднем по 115- 120 информантов в возрасте от 25 до 58 лет, соответственно количество реакций также варьируется в пределах 117-120 слов, рядом с словом-реакцией указана повторяемость реакции в ассоциативном поле). Считаем целесообразным дать в переводе на русский язык реакции на слова-стимулы казахского языка для сопоставлений с другими языковыми культурами.

Власть (русскоязычные) – сила (16), президент (14), правительство (11), деньги (7), народ (7), политика (6), государство (6), деньги (5).

Власть – билік (казахоязычные) – правительство (20), политика (16), глава государства (15), управление (13), карьера (9), сила (8), владычество (5).

Личность (русскоязычные) – человек (38), индивидуальность (7), индивид (5), гражданин (5).

Личность – қоғам (казахоязычные) – человек (26), я (17), одаренность (12), лидер (8), личность (8), гражданин (5).

Общество (русскоязычные) – люди (22), народ (16), социум (12), государство (5), мнение (5), общество (5).

Общество – жеке тұлға (казахоязычные) – народ (21), окружающая среда (16), люди (13), страна (12), свобода (9), социальное общество (7), государство (5).

Традиция (русскоязычные) – обычай (17), культура (12), семья (11), народ (8), национальная (7), обряды (5).

Традиция – салт-дәстүр (казахоязычные) – национальные традиции (21), праздники (16), обычаи (12), песни – мелодии (9), правила (7), национальная особенность (5).

Религия (русскоязычные) – вера (26), ислам (15), бог (7), христианство (6), мечеть (5), атеизм (5).

Религия – дін (казахоязычные) – ислам (29), мусульманин (18), мечеть (12), вероисповедание

каждой нации (10), вероисповедание (8), духовные представления (5).

Культура (русскоязычные) – воспитания (7), поведения (6), история (5), наследие (5).

Культура – мәдениет (казахоязычные) – искусство (25), воспитание (17), обычай (12), общество (7).

Безусловно, в представленных ассоциативных рядах отражены универсальные признаки категоризации и членения мира современными казахстанцами. Декларируемая казахстанская «граница» на сегодняшний день – языковое разграничение на два информационных пространства: русскоязычное и казахское – в этом случае по отношению к словам-стимулам, входящим в концептуальное пространство политического и медийного дискурсов, практически таковой не является. В них в первую очередь зафиксировано «мышление толп» – стереотипные и повторяющиеся образы. Слова-реакции в большинстве случаев являются «литературоцентричными», они полностью следуют из существующего публицистического дискурса. Несмотря на то, что слова-стимулы относятся к идеологической и исторической сфере, ассоциативные реакции на материале двух языков лишены этнического и эмоционального компонентов. Естественно, последние присутствуют в немногочисленных единичных ассоциативных реакциях. Предваряя анализ уже дискурсивной практики, сошлемся на любопытное замечание Ильи Бакштейна: «Если, согласно Лакану, бессознательное – это речь Другого, то можно сказать, что Коллективное бессознательное нерусскоговорящих народов СССР было структурировано по моделям русского языка» (Бакштейн, 2018: 45). Необходимо заметить, что ассоциативное мышление русскоязычных и казахоязычных жителей Казахстана отражает сложившийся еще в советские годы процесс русификации коренного населения бывшей советской республики. Безусловно, но уже с позиции современной идеологии точен культуролог Ауэзхан Кодар: «Что касается казахстанской культуры – это плод, возросший в тепличных условиях демагогической «новой общности – советского народа» и потому абсолютно лишенный самобытного культурно-созидающего пафоса» (Кодар, 2005: 3). Наиболее верифицируемое и очевидное из этого ряда: культурная русификация и рационализация сознания, в том числе наглядно представленные к приведенным высокочастотных зонах ассоциативных полей. В подобной общности четко прослеживаются доставшиеся из советского прошлого и не утратив-

шие актуальности советские идеологемы, в том числе догматизм и поверхностность мышления, их языковую репрезентацию можно обнаружить и втекстовой практике современных школьных и вузовских учебников и даже в репертуарной политике казахстанских театров. Приведем также показательный пример из психолингвистических источников: высокая степень присутствия русской лексики в языковом сознании современных казахов подтверждается следующим параметром – среди реакций-ассоциаций общим количеством 2113 употреблено 527 русизмов: 403 у мужчин и 124 у женщин (Дмитрюк, 2016: 34).

Результаты и обсуждение

Далее заявленный тезис советизации казахстанского языкового создания целесообразно показать в реальном дискурсивном проявлении. В данной части статьи определяются ведущие дискурсивные стратегии казахстанского медиального пространства. Вслед за Рут Водак полагаем, что такой анализ возможен в двух уровнях: в виде «анализа «на входе», сконцентрированном на тематическом аспекте текстов, и как «анализ в глубину», направленном на тщательный и детальный анализ логичности и связности текстов (Водак, 2018: 112). Именно такой подход позволяет увидеть модель ситуации, которая стоит за медиадискурсом. Постсоветскость – это не только временное обозначение, это, по всей видимости, гибрид советского (институционального и культурного) и того, что возникло в результате распада Советского Союза. С другой стороны, идеологическое наполнение казахстанских реалий советским содержанием и оценкой неизбежны. Казахстанский политолог Рустам Кадыржанов уточняет, но относит советизацию только к одной части населения страны и относит к последней не только употребление русского языка, но и реально зафиксированным в общественной практике придание символического звучания отдельным праздникам, тем или иным историческим фигурам, былым достижениям в спорте (Кадыржанов, 2014: 7). Сюда относятся и ношение георгиевской ленточки, празднование 100-летия комсомола и тому подобное. Любопытно привести наши данные по молодежному языковому сознанию, в определенной мере подтверждающие заявленные положения. В этом случае это высокочастотные ассоциации, полученные от русскоязычных студентов Алматы (18 – 22 года, количество реципиентов от 115 до 120 человек) на ряд слов. Ниже приводятся высокочастотные

зоны к двум словам-стимулам: советский – старый (20), союз (19), качественный (12), фильм (7), человек (5) и Советский Союз – Сталин (19), СССР (11), коммунизм (9), Ленин (6), труд (6). Зафиксирована исключительно позитивная и не критическая оценка былой истории, определенная в большей степени, наш взгляд, существующим учебно-историческим подходом. Очевидная в России и Казахстане актуализация советских образов и символов иногда и вовсе лишена идеологической составляющей. В частности, политологи и социологи сходятся в одном. Актуализация советскости в современном российском обществе объясняется тем, что трансформация советской идентичности в постсоветский период не носила линейного и однозначного характера. Одна из немногих германская исследовательница, основательница теории культурной памяти Алейда Ассман обоснованно указывает на объективный и неизбежный характер селективного воспроизводства прошлого (Ассман, 2017: 223). Она же отмечает эту тенденцию в ряде европейских стран, России и Америке.

Что есть «дискурсивная» история Казахстана конца 20 и 21 веков: от перестройки до середины двухтысячных? Каковы функции политико-идеологических дискурсов и визуальных практик? По всей видимости, три выделяемых проекта: евразийский, пантюркский и либеральный – являются тем самым интертекстом, который определяет политические, социальные и культурные границы и пристрастия всего казахстанского общества, как следствие и дискурсивную практику. Проекты имеют свое историческое прошлое, определяют реальную политику и находят свое медиальное отражение. Евразийский проект полностью состоялся в официальном русскоязычном дискурсе, пантюркский близок к национал-патриотическому, популярен в казахском дискурсе, либеральный проект лишь частично присутствует в политическом дискурсе, больше отмечен в артдискурсе (через и посредством деколониальных тенденций). Все три проекта – это одновременно постоянные константы и рамки (границы), за пределы которых «носители» этих дискурсов предпочитают не выходить. Точнее всего суть происходящего в дискурсе может быть объяснена в междисциплинарных и перспективных для дальнейшего научного развития точных и емких арт-терминах, пересекающихся со всеми заявленными проектами. К таковым казахстанский теоретик и практик современного искусства Валерия Ибраева относят следующие культурные концепты (термины

даны в обозначении от В.Ибраевой): «матрица социализма на земле кочевников»; «либерализация и национализм»; «суверенитет в бронзе»; «higt-tech и феодализм»; «критицизм»; «этнофутуризм» (Ибраева, 2014). Данные концепты, данные в историко-культурной последовательности, легко поддаются и визуальной верификации. Представленные собственно культурологические формулировки и термины очень точно характеризуют и объясняют сами тенденции и образчики официального и массового дискурса – идеологические «продукты» нашего времени: от сохранившихся советских штампов, влияния западного дискурса до создающейся на глазах национальной идентичности. По сути сейчас после убыстренного прохождения всех обозначенных историко-культурных этапов и невнятно осмысленных политических проектов мы сейчас наблюдаем неловкий возврат к соцреализму, даже с повторением базовой задачи социализма – производство социализма через переработку «реальности» в идеологически значимый продукт: «Соцреализм не есть нарратив; он есть дискурс, производящий – при посредстве нарратива – реальность (Добренко, 2007: 86).

Разделение казахстанского общества на два информационных пространства: казахскоязычное и русскоязычное – можно принять со следующими уточнениями. Русскоязычное пространство до 1995-2000-х годов воспринималось в стране как критическое, открытое новым явлениям, а казахское рассматривалось как боязливое, консервативное, подчиняющееся, иерархичное. Реальность в казахстанском медиадискурсе пока представляет все три формы ложного сознания по С. Зенкину (Зенкин, 2011): предрассудки, идеологию и симулякры, выраженные в ведущих когнитивных стратегиях. В современном казахстанском медиадискурсе относительно во всех его конкретных проявлениях (традиционные и новые медиа, русскоязычным и казахскоязычным) наиболее очевидна следующая когнитивная стратегия – антропоцентризм истолкования, всегда есть «мы» и «они». Общая тенденция современных казахстанских традиционных и новых медиа – преобладание над аналитическими материалами собственно публицистики. Эту особенность можно определить как разрушение нарратива: «О процессах разрушения нарратива есть основания говорить также и применительно к СМИ, где наблюдается не только доминирование описания над повествованием, но и отсутствие в сообщении событийности» (Фадеева, 2008: 220). По отношению к публич-

ному речевому поведению в Казахстане происходит упрощение смысла. При этом русскоязычный медиадискурс все больше демонстрирует безличность, разорванность сознания при явном отсутствии иерархии ценностей по отношению к окружающим реалиям. Идеологическая вторичность и национальное мифотворчество являются определяющими чертами уже собственно казахского медиадискурса. Казахскоязычная пресса отличается от русскоязычной в тематическом наполнении, но не в идеологическом осмыслении социально-экономической и общественно-политической действительности. В свою очередь таковы же интенции казахского медиального пространства: архаизация настоящего и актуализация прошлого. Оно одновременно отражает традиционное сознание (примитивно-групповую идеологию) и советский опыт: «Но в целом, мир, описываемый казахской официальной и полупофициальной прессой, это собственно традиционный казахский мир, замкнутый и спроецированный на самого себя» (Байгожина, 2005: 38).

Именно по этой причине, в казахскоязычной прессе преобладают исторические материалы, статьи о батырах, акынах и национальных традициях и, соответственно, размышления (жанр «толгау») вокруг этого. Отнести этот псевдоисторический мифологизм к символической реконструкции коллективной памяти представляется уже необходимым. Из этого же ряда проникновение мифологических стереотипов восприятия исторической действительности в учебно-образовательный процесс (современные казахстанские учебники по истории и литературе).

Заключение

Функциональное различие между казахским и русскоязычным медиадискурсом представлено так: казахский медиадискурс: функция – просвещения; риторичность формы; интерес к личности; монологизм авторского выражения; русскоязычный медиадискурс: функция организации; литератууроориентированность; интерес к событию; использование диалогических форм. С помощью публицистических жанров, речевых средств и риторических стратегий, языковой гибридности и использования идеологических моделей переосмысляются исторические конструкции. В этом случае казахский медиадискурс оказывается таким же просоветским, как и русскоязычная пресса Казахстана. Мы видим попытку «работать» (в том числе и манипулировать) с традиционными и советскими ценно-

стями, бесспорное подчинение авторитету, преувеличение групповых ценностей, в том числе и за счет исторического нарратива. Функциональный анализ казахстанской медиальной культуры требует аналитического подхода к тексту самого

корпуса этих текстов. В перспективе необходимы как «горизонтальная» репрезентативность (все виды медиа), так и «вертикальная репрезентативность» («высокие» и «низкие» тексты, паранаучные труды).

Литература

- Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. – М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 504 с.
- Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 272 с.
- Бакштейн И. Мифология в действии // Бакштейн И. Статьи и диалоги. – М.: Ад Магнум, 2018. – С. 42 – 148.
- Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 504 с.
- Байгожина А. Казахские и русские газеты республики: непересекающиеся миры параллельных культур // Культура и СМИ: проблемы взаимодействия. – Алматы: Кредо, 2005. – С. 36-43.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Курс лекций. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
- Водак Р. Критическая лингвистика и критический дискурс-анализ // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4. – С. 286-290.
- Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов. – Харьков: Издательство «Гуманитарный Центр», 2018. – 404 с.
- Дмитрюк Н.В. Ассоциативная модель анализа лингвистических проблем плюрицентризма // Вестник Кокшетауского университета. Серия филологическая. – 2016. – № 3. – С. 36-42.
- Зенкин С. Ложное создание: теория, история, эстетика. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 234 с.
- Добренко Е. Политэкономия соцреализма. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.
- Ибраева В. Искусство Казахстана: Постсоветский период. – Алматы: Тонкая грань, 2014. – 144 с.
- Кадыржанов Р.К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. – 168 с.
- Кодар А. Казахская культура: от миражей к реальности // Культура и СМИ: проблемы взаимодействия. – Алматы, 2005. – С. 3-11.
- Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. – М.: Гнозис, 2016. – 496 с.
- Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
- Милославский И.Г. «Цель» как характеристика лингвистического исследования // Вестник Моск. Ун-та, Сер. 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 1. – С. 9-23.
- Фадеева И.Е. Культурная идентичность как семиотическая проблема // Фундаментальные проблемы культурологии в 4 т. Том 1. Теория культуры. – СПб.: Алатея, 2008. – С. 209 – 234.
- Langacker, Fundamentals of linguistic analysis. New York/Chicago/San Francisco/Atlanta: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1972. – Pp. 372. D. J. Allerton (a1). (a1). Department of General Linguistics, University of Manchester.
- Fauconnier, Gilles and Turner, Mark B, 2001 – Fauconnier, Gilles and Turner, Mark B. Conceptual Integration Networks (February 10, 2001). Cognitive Science, Vol. 22, No. 2, pp. 133-187.
- References
- Assman A. (2017) Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padeniyetemporal' nogorezhimaModerna. [Has the connection of times broken? The rise and fall of the temporal mode of modernity]. M.: Novoyeliteraturnoyeobozreniye, 2017.272 pp.(In Russian)
- Avtonomova N. S. (2017) Poznaniye i perevod.Opytyfilosofiiyazyka.[Knowledge and translation. Experience the philosophy of language]. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. 504 p. (In Russian)
- Bakmann-Medik D. (2017) Kulturnyepovoroty. Novyeorientiry v naukakh o culture. [Cultural turns. New landmarks in the science of culture]. M.: Novoyeliteraturnoyeobozreniye, 504 p. (In Russian)
- Bakshhteyn I. (2018) Mifologiya v deystvii. Bakshhteyn I. Stat'i i dialogi. [Mythology in action] Bakstein I. [Articles and dialogues]. M.: Ad Magnum, 2018. 42-48 pp. (In Russian)
- Baygozhina A.(2005.) Kazakhskiyе i russkiyegazetyrespubliki: neperesekayushchiyesya miry parallelnykhkultury [Kazakh and Russian newspapers of the republic: disjoint worlds of parallel cultures]. Kultura i SMI: problemyvzaimodeystviya [Culture and media: problems of interaction].Almaty: Kredo. 36-43 pp. (In Russian)
- Boldyrev N.N. (2014.) Kognitivnaya semantika. Vvedeniye v kognitivnyuyu lingvistiku. Kurslektsy. [Cognitive semantics.Introduction to Cognitive Linguistics]. Tambov: Izdatelskydom TGU im. G.R. Derzhavina. 236 p.
- Dmitryuk N.V.(2016). Assotsiativnaya model analizalingvisticheskikh problem plyutsentrizma. [Associative model of the analysis of linguistic problems of pluricentrism].Vestnik Kokshetauskogo universiteta. Seriya filologicheskaya [Bulletin of Kokshetau University.A series of philological]. 2016. 36–42 pp. (In Russian)

Dobrenko Ye. Politekonomiyasotsrealizma. [The Political Economy of Socialist Realism]. M.: Novoyeliteraturnoyeobozreniye, 2007. 592 p. (In Russian)

Fadeyeva, I.Ye. Kul'turnayaidentichnost' kaksemioticheskayaproblema [Cultural identity as a semiotic problem]. Fundamental'nyeyeproblemykul'turologii. [Fundamental problems of cultural science]. v 4 t. Tom 1. Teoriyakul'tury. [Theory of culture]. SPb.: Alateya, 2008. 209 – 234 pp. (In Russian)

Fauconnier Gilles and Turner, Mark B., Conceptual Integration Networks (February 10, 2001). Cognitive Science, Vol. 22, No. 2, pp. 133–187, April–June 1998. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1292966>

Ibrayev, V. (2014). IskusstvoKazakhstana: Postsovetsky period. [Art of Kazakhstan: Post–Soviet Period]. Almaty: Tonkaya gran, 144 p. (In Russian)

Kadyrzhanov R.K. Etnokul'turnyysimvolizm i natsional'nayaidentichnost' Kazakhstana. [Ethnocultural symbolism and national identity of Kazakhstan]. Almaty: Institutfilosofii, politologii i religiovedeniya KN MON RK, 2014. 168 p. (In Russian)

Kodar A. Kazakhstanskayakul'tura: otmirazhey k real'nosti [Kazakhstan culture: from mirages to reality]. Kul'tura i SMI: problemyvzaimodeystviya. [Culture and mass media: problems of interaction]. Almaty, 2005. 3-11 pp. (In Russian)

Krasnykh V.V. Slovar' i grammatikalingvokul'tury; Osnovypsikholingvokul'turologii. [Dictionary and grammar of linguoculture; Fundamentals of psycholinguistic culturology]. M.: Gnozis 2016. 496 p. (In Russian)

Kubryakova, Ye.S. V poiskakhsushchnostiyazyka: Kognitivnyyeissledovaniya. [In search of the essence of language: cognitive research]. M.: Znak, 2012. 208 p.

Langacker, R. W. (1972). Fundamentals of linguistic analysis. New York/Chicago/San Francisco/Atlanta: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1972. 372. D. J. Allerton (a1). (a1).

Miloslavskiy I.G. «Tsel'» kakkarakteristikalingvisticheskogoissledovaniya [“Purpose” as a characteristic of linguistic research] // VestnikMosk. Un-ta, Ser. 19 Lingvistika i mezhkul'turnyakommunikatsiya [Herald Mosk. University, Ser. 19 Linguistics and Intercultural Communication], 2017. № 1. 9-23 pp. (In Russian)

Vodak R. (2011) Kriticheskayalingvistika i kriticheskiy diskurs-analiz. [Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis]. Politicheskayalingvistika. [Political Linguistik] 2011. № 4. 286-290 pp. (In Russian)

Vodak R. (2018) Politikastrakha. Chtoznachitdiskurspravykhpulistov. [Fear policy. What does the discourse of right wing populists mean?]. Khar'kov: Izdatel'stvo «GumanitarnyyTsentr», 2018. 404 p. (In Russian)

Zenkin S. (2011) Lozhnoyesozdaniye: teoriya, istoriya, estetika [False creation: theory, history, aesthetics]. M.: Novoyeliteraturnoyeobozreniye, 7–23 pp. (In Russian)